

Данила Игнатьевич и его сын Михайло

Со во с той стороны, со низовною,
Со во с той стороны, с полуночною
Подымалася туча, грязь великая —
Выезжает тут Тит, похваляется:
— Иерусалимского я царства выжгу, выпьяню,
Царя Тимофея в полон полоню,
Его божьи церкви на дым пущу,
Его вдовьи монастыри, девьи монастыри на глубь спущу,
Царицу-княгиню за себя возьму!
Подо мной, под Титом, сорок царей, сорок царевичей,
Сорок королей, сорок королевичей,
Еще той мелкой сошки, ей счету нет,
На все на четыре дальни стороны
Отмечена сила по сту верст,
Еще сам вот я, Тит, Тита брата зверь! . .

Собирает царь князей-боярей, думных сенаторей:
— Еще едет Тит похваляется, говорит:
«Иерусалимского царства выжгу, выпалю,
Царя Тимофея, говорит, я в полон полоню,
Его божьи церкви на дым пущу,
Вдовьи, девьи монастыри на глубь спущу,
Царицу я княгиню за себя возьму,
Подо мной, под Титом, сорок царей, сорок царевичей,
Сорок королей, сорок королевичей,
Под всеми под ними по три тысячи людей,
Еще той мелкой сошки счету нет,
Отмечена силушка на все четыре дальни стороны по сту верст,
Еще сам вот я, Тит, Тита брата зверь!»

От переднего стола до середнего,
От середнего стола до последнего
Ни от кого ни ответу, ни привету нет.
Из середнего стола пошел колесом
Свет по имени Данильюшко Игнатьевич,
Вставал он на ноженьки на резвые,
На зелен сафьян сапожинки,

Еще кланяется он понижешенько:
— Еще служил я царям-царевичам,
Служил я королям-королевичам,
Таперя я, Данилюшко, старым-старой, девяноста лет,
Спасаюсь я, Данилюшко, в теплой келейке.
Еще в дале, во дале, во чистом поле,
Еще есть-то там дуб кракитовый,
У того у дуба один отростель, —
У меня, у Данилюшки, одна дитя,
Свет по имени Михайлушка Данильевич,
Молодым он молодой, лет двенадцати.
Кабы был Михайлушко лет шестнадцати,
Постоял бы Михайлушко за веру христианскую!..

Пошел Данилюшко в свою келейку.
— Наряжайся, мое дитячко, тебя царь зовет.
— Не знают меня ваши цари-царевичи,
Не знают ваши короли-королевичи.

Еще стал Михайлушко наряжаться,
Еще стал Михайлушко вымываться,
Пошел Михайлушко к своему царю.
Отворяет он вороточки на пяту,
Еще клал Михайлушко поклон по-ученому,
Еще кланяется он по-писаному.
Еще спроговорит наш царь:
— Постой, Михайлушко, за веру христианскую!

Наливает ему чару полтора ведра.
Берет он чару единой рукой,
Выпивает чару единым духом.
Пошел Михайлушка в свою келейку,
Отворяет он ворота сильно-наильно,
Закрывает ворота крепко-накрепко,
Приходит Михайлушко в свою келейку.
Тут спроговорит Михайлушко своему отцу:
— Уж зачем ты много рано хвастаешь?
— Я ведь с пьяных дел, дитячко, тобою призахвастался!
Ты бери моего военного коня,
Ты бери мою саблю вострую,
Ты коси-руби силушку до шести суток,
Шесть суток дойдут,

Поворачивай коня круто-накруто,
Приезжай в свою теплу келейку.

Поехал Михайлушко к силушке бессчетной,
Стал косить-рубить силушку бессчетную,
Вперед махнет — часты улички,
Назад махнет — переулочки,
Татар рубил, как лес клонил.
Шесть суток тому прошло,
Еще ранили Михайлушку крепко-накрепко.
Поворачивал коня круто-накруто,
Приезжает в свою теплу келейку.
Не стук застучал, братцы, во тереме,
Разбежался богатырский конь.
Выходит Данильюшко не дверями, не воротами,
Выходит Данильюшко каменной стеной,
Хватает Михайлушку на белы руки,
Понес Михайлушку в божью церкву,
Кладет Михайлушку под святые образа,
Зажигает свечу воску ярого,
Сам не подвигает стремячко вальянское,
Садится прямо с полу на коня.
Поехал он, Данильюшко, во чисто поле,
Срывает он дуб кракитовый из кореня,
Поехал Данильюшко к силе бессчетной,
Еще стал дубом крошить-рубить силушку бессчетную.
Татар изрубил, как лес клонил,
Самого Тита живком хватил
И привязывал он коню в торока.
Приезжает Данильюшко в свою келейку,
Пошел Данильюшко во божью церкву —
Еще давно его дитятко переставилось.
Пошел Данильюшко к своему царю.
— Потухла свеча, говорит, воску ярого,
Померкло, говорит, наше красно солнышко,
Переставилось мое дитятко!

Кидался-бросался Данильюшко о кирпичевый мост,
Разбивался Данильюшко о кирпичевый мост.

(Записал В. М. Зензинов в 1912 г. «со слов», т. е. под диктовку, от Киприана Рожина в м. Осколково на Русской протоке нижней Индигирки)

Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока, 1991.